
12+
Ольга Сергеевна Баранова
Мой голос

Ольга Баранова
Мой голос

https://litres.ru/74900724
ISBN 9785007164559

Аннотация

Дорогие друзья, мои любимые читатели, у вас появилась уникальная возможность услышать мой голос. Я вам его дарю. Приятного чтения, любимки мои. И помните, все, что я делаю, я делаю только для вас.

Содержание

ЧАСТЬ 1 БИОГРАФИЯ И ТВОРЧЕСТВО 5
Конец ознакомительного фрагмента. 22

Мой голос

Ольга Сергеевна Баранова

Иллюстратор Ольга Сергеевна Найденова

© Ольга Сергеевна Баранова, 2026
© Ольга Сергеевна Найденова, иллюстрации, 2026

ISBN 978-5-0071-6455-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1 БИОГРАФИЯ И ТВОРЧЕСТВО

Меня зовут Ольга Сергеевна Найденова (можно через ё), в девичестве Баранова, творческий псевдоним Ольга Баранова или Ольга Сергеевна Баранова, я современная писательница и поэтесса, которая сама описала свою жизнь в автобиографическом очерке.

Родилась я 25 августа 1984 года в станице Новопокровская, здесь выросла и живу.

Мое детство прошло в родной станице и у бабушки в селе Горькая Балка. Это было невероятно чудесное время.

Отец мой служил в милиции, а позже стал судьёй. Мама финансист, бухгалтер, работала на предприятиях, позже в пенсионном фонде.

Именно в детстве, лет в десять, может и раньше у меня появился интерес к литературе: я пробовала писать стихи и рассказы.

А случилось это так: Моя подруга — Зоя (мы жили в одном доме, и балконы наших квартир были соединены) предложила: «Давай сочиним стих!». И я согласилась попробовать — просто ради игры, ради того самого восторга, когда слова вдруг складываются в рифму.

Мой первый стих был смешным, про собачку Кукорачку. (у меня живет собачка, под названьем Кукорачка, уши кверху, хвост трубой, ты постой, постой, постой. А эта вот собачка, под названием Кукорачка, на солнышке лежит и ушами шевелит)

Именно с этого момента я и начала писать стихи, рассказы и даже сказки.

Позже, вспоминая тот период, я писала, что тогда и не думала, что это станет чем-то серьёзным. Но привычка фиксировать чувства осталась: я записывала всё подряд — мысли, сны, обрывки разговоров, первые влюблённости и первые обиды. В десять лет я открыла для себя, что слова могут не только описывать мир, но и создавать свой собственный, полный тайных смыслов. Стихи стали моей личной территорией — «островком внутренней жизни».

У меня была любимая книга «Твоя книга», из которой я диктовала воспитателю в садике полюбившееся стихотворение про пальчики.

Юность прошла с подругой Таней, были и первые переживания любви. После окончания школы я поступила в техникум на специальность «правоведение». Студенческая жизнь

была насыщенной: параллельно я училась в школе журналистики, печаталась в газетах «Тихорецкие вести» и «Тихорецк Экспресс», посещала литературное объединение «Родник» и даже занималась верховой ездой. Позже я получила высшее образование по специальности «юриспруденция».

Позже я вышла замуж, родила двоих детей — дочь Марию и сына Матвея, открыла ИП и занималась юридическими услугами. Однако после развода, который произошёл спустя 11 лет брака, я ликвидировала бизнес и полностью посвятила себя творчеству. Выпустила книги «По волнам любви» и «На лучшем русском языке» и тд, написала песни, а также создала творческий дуэт «БОГИНИ» с поэтессой Еленой Головиновой-Иноземцевой.

Мои произведения можно также найти на стихи. ру, проза. ру, в коллективных сборниках от АртСияние-Поэт2026 том 2 и когда говорит сердце том3. Но и конечно в моих соц. сетях.

ИРИНА
ДИМИРОВНА
ОВАЛЁВ

ЗАПИСКИ В РАССКАЗАХ:

_____

Сквозь мутное стекло веранды солнце вползало в комнату, оно застывало на рассохшемся полу, выжигая желтые пятна и воздух в этих пятнах переливался. Абажур из плотной ткани собирал пыль и отбрасывал тень на потолок, оставляя стол и все на нем беззащитными.

Она смотрела на свои руки, лежащие на столешнице. Капелька пота у виска, медленно, сползла по скуле и остановилась у подбородка. Она не смахнула ее, давая этой маленькой влажной улитке проползти свой путь, чувствуя, как прохлада от испарения сменяется новой волной жары.

Он стоял у окна, спиной к ней, свет проходил сквозь его тонкую рубашку, обрисовывая его лопатки, он не оборачивался. На затылке, у самой линии роста волос, выступила испарина и свет отражался в ней, как в мелких лужицах после дождя.

Муха, толстая и зеленая, билась о стекло рядом с его головой, издавая навязчивый звук — «бззз… бззз…». Казалось, этот звук был единственной нитью, связывающей их. Она нарастала, этот гул, заполнял собой вакуум, повисал в воздухе, а потом резко обрывался и тишина становила тяжелой.

На столе стояла керамическая кружка темно-коричневая,

чай в ней остыл уже давно, но сама посудина накопила в себе адское тепло комнаты. Она медленно потянулась к ней. Кончики пальцев коснулись глазурованной поверхности и жар обжег сразу, без предупреждения. Она взяла кружку в ладонь, ощущая, как огонь перетекает в кости и поднесла к губам. Край обжигал нижнюю губу, пока она пила теплую, противную воду, глоток за глотком. Было слышно, как булькает жидкость в горле. Она поставила кружку обратно и было слышно как она стукнулась дном об стол. Он вздрогнул от этого звука, всего на миг дрогнули плечи и снова застыли.

Она перевела взгляд на его руку, свисавшую вдоль тела. Пальцы были слегка растопырены и она видела, как подушечка большого пальца нервно, нажимает на шов брюк, вдавливая ткань и отпускает. Это было самым громким криком в этой комнате.

Тени на полу поползли в другую сторону. Солнце медленно перевалило за полдень, открыв сквозь пыльное стекло мир, где все было залито белым, ослепительным светом, лишенным теней. Воздух стал тяжелым, таким, что невыносимо было дышать.

Где-то за стеной заскрипело дерево, дом дышал, скрип был долгим, похожим на стон. Он эхом прошел по комнате.

Она снова посмотрела на кружку. На донышке остался темный налет заварки. Ей хотелось закричать, разбить ее об стену, чтобы грохот осколков порвал эту ватную тишину. Но вместо этого она просто провела пальцем по краю влажно-

го следа на столешнице, стирая его в мокрую, некрасивую кляксу.

Он медленно, как будто каждое движение стоило ему невероятных усилий, повернул голову. Она чувствовала его взгляд на своем затылке, но не обернулась. Застыла, глядя на свою кляксу на столе, чувствуя, как пот на ее спине стекает холодной струйкой вдоль позвоночника, хотя в комнате было под сорок.

Тишина загустела до предела, став почти осязаемой. И в этой тишине, в этом липком, текучем пекле, между ними висело нечто огромное, невысказанное, тяжелое, как вся эта проклятая жара. Оно душило, давило и плавило мозги.

Муха наконец нашла щель и вырвалась из стеклянного плена, оставив после себя только звонкую, сводящую с ума пустоту.

Я помню это лето иначе в первую очередь запах.

Когда я вышла с электрички, пахло цветущим клевером и сосновой смолой. Солнце стояло в зените, а тени от деревьев лежали на земле. Я шла по просёлку босиком, потому что кроссовки натирали и трава была горячей у обочины и ледяной в канавках. Где-то звенела коса, дед Степан косил за огородами и этот звук символизировал летний гул.

Я возвращалась в дом бабушки. Второй раз за десять лет.

Первый раз была на похороны и тогда я не замечала ничего, только ком в горле. Сейчас я ехала на две недели, чтоб просто побыть, просто вспомнить.

Калитка скрипнула так же, как в детстве. Я вошла во двор и первым делом увидела стол под старой яблоней. Он стоял на том же месте, даже скатерть, клетчатая, выцветшая, с дыркой от сигареты, которую дед прожёг ещё до моего рождения. Я села за него и солнце пробивалось сквозь листья мелкими золотыми монетками, которые танцевали на моих руках.

Всё было правильно.

Пахло земляникой, на грядках у забора она уже поспела, мелкая, дикая, невероятно сладкая. Пахло нагретым деревом, пылью, укропом. Где-то за сараем кудахтали соседские куры, но бабушка всегда говорила, что они наши, потому что у неё все были свои.

Я закрыла глаза и позволила себе провалиться в это беззаботное чувство. Я снова была девчонкой, которая бегает босиком по росе, ловит стрекоз и боится только темноты в сарае. Так я просидела час.

А когда открыла глаза поняла, что за забором кто-то стоит.

Я не сразу ее заметила. Сначала мне показалось, что это просто тень от старого куста сирени. Но тень шевельнулась и я разглядела девочку. На вид ей было лет девять, в мятой футболке и слишком длинных шортах. Она стояла, опершись на штакетник, и смотрела на меня, я улыбнулась.

Привет — сказала я. — Ты чья?

Она не ответила, просто смотрела. Глаза у нее были светлые, почти прозрачные и в них отражалось небо, но не как у людей, а как у воды, в которой нет дна.

Я здесь раньше жила — сказала я, чтобы заполнить тишину. — Давно.

Она наклонила голову.

А зачем ты приехала? — спросила она.

Ну, дом же — я обвела рукой двор. — Моя бабушка здесь жила.

Девочка посмотрела на дом, потом на меня. И улыбнулась. Улыбка была странная слишком взрослая и пустая. Как у людей, которые знают что-то, чего не знаешь ты.

— Здесь никто не живёт — сказала она. — Ты чего, не знаешь?

Она развернулась и убежала в кусты, даже не дожидаясь ответа. Я проводила ее взглядом. Солнце всё так же припекало, земляника пахла и где-то продолжал звенеть дед Степан. Всё было по-прежнему, но внутри что-то ёкнуло.

Я встала из-за стола и пошла в дом. Дверь открылась со знакомым скрипом, я помнила его с детства. Внутри пахло пылью и старыми газетами. Всё стояло на местах: буфет, этажерка, половик с оленями. Я подошла к комоду, где в рамке стояла наша семейная фотография.

Мне было на ней семь. Я стояла в панамке, сжимая в руках букет васильков. Рядом бабушка, она обнимает меня за плечи и у неё такие тёплые, пухлые руки. Я помню, как она пахла пирогами и мятой.

Я присмотрелась, ее лицо было размыто.

Я протёра стекло рукавом. Пыль исчезла, но лицо оста-

лось прежним, белое пятно, где должны быть глаза, улыбка, морщинки вокруг губ. Как будто кто-то провёл пальцем по мокрой краске. Я перевела взгляд на себя, я была чёткой, до каждого веснушчатого носа, а бабушка — нет.

Я положила фотографию на место. Руки дрожали и тогда я заметила бабочку.

Она сидела на косяке двери, ведущей на веранду. Крупная, белая, с серыми прожилками на крыльях. Она не двигалась. Я шагнула к ней и она не улетела. Я протянула руку и она сама перебралась мне на палец, я поднесла её к лицу.

Прожилки на крыльях складывались в узор. И в этом узоре я вдруг увидела очертания знакомых лиц — Бабушка, Дед, Тётя Нина, которая умерла, когда мне было десять, Соседский мальчик Коля, с которым я строила плот. Все они были на крыльях этой бабочки. Я смотрела на них, и мне было не страшно, с тоскливо.

Потому что я поняла, что помню их голоса, их запахи, их прикосновения. Но я уже не могу вспомнить их лица. Время их аккуратно стерло. Бабочка сидела неподвижно и я чувствовала её дыхание. Я вышла на крыльцо, солнце садилось, небо стало лиловым, а тени от яблони вытянулись не в ту сторону. Всё было по-прежнему летним, душистым, золотым.

Но это лето было неправильным. Оно было памятью о себе. Слепком, в котором кто-то забыл заменить детали.

Девочка за забором больше не появлялась, но она была права. Здесь никто не живёт уже много лет. И я приехала не в дом, а в воспоминание.

Я села на ступеньки и бабочка всё ещё сидела у меня на пальце, я не сгоняла её, а просто смотрела, как солнце садится и чувствовала, как лето обнимает меня, гладит по голове, шепчет: «Останься. Здесь так хорошо. Здесь всегда лето».

И я почти согласилась, но потом я закрыла глаза и вспомнила бабушкины руки. Они были теплые, шершавые, с натруженными пальцами. Я вспомнила, как она держала меня за руку, когда я училась кататься на велосипеде. Я вспомнила, что я не помню её лица, но я помню её ладонь и этого достаточно.

Бабочка на пальце дрогнула. Я открыла глаза.

Небо всё ещё было лиловым, я встала, зашла в дом и аккуратно, как реликвию, положила фотографию в рюкзак, лицо бабушки не вернулось, но мне показалось, что на размытом пятне я увидела улыбку.

Я вышла за калитку и не обернулась, потому что знала: если обернусь, то останусь там, где всегда лето и никогда не бывает зим, где никто не стареет, но и никто не помнит лиц, а мне нужно было помнить.

Её зовут Элиан.

Ей пятнадцать и она — голос «Летучего Голландца», хотя на этом корабле никто не говорит вслух. Экипаж проклят молчать вечность, потому что их слова когда-то убили любовь. Теперь они переговариваются взглядами, стуком по дереву, скрипом такелажа. А Элиан поёт за всех.

Она не помнит, как попала сюда. Только сон: мать толкает её в лодку, река выносит в открытое море, а на дне лодки осколок зеркала, в котором отражается не её лицо, а чужое: бледное, с глазами цвета мёртвого янтаря. Капитан «Голландца» находит её утром. Он не говорит ни слова. Протягивает руку. На запястье у него выжжено: «Прости». И она почему-то читает это вслух.

Корабль вздрагивает. Впервые за сто лет.

Потому что Элиан не пленница. Она отвязка.

Этот корабль не может пристать к берегу, пока проклятие не будет снято. Каждый член команды однажды солгал тому, кого любил. Капитан своей невесте: «Я вернусь на рассвете». Не вернулся. Она ждала тридцать лет, выросла в камне на скале, и теперь этот камень плачет солёной водой каждую

ночь. Элиан слышит её слёзы за три мили.

Экипаж:

— Сайлас, штурман, который потерял дар речи, когда солгал сыну. Теперь он рисует карты на песке пальцем и Элиан переводит их в песню.

— Близнецы Эрроу, два палача, что поклялись никогда не причинять боль, но нарушили клятву. Теперь они носят маски. Элиан снимает их по вечерам и расчёсывает волосы обоим.

— Старая Молли, что была матерью, но солгала дочери о её происхождении. Теперь она молчит. Но когда Элиан поёт колыбельную, Молли плачет и слёзы её превращаются в жемчуг.

Сам капитан, Корбен, не помнит имени своей невесты. Он забыл его, потому что время стёрло. Элиан берёт его за руку и ведёт к носу корабля. Там, среди водорослей и раковин, лежит осколок того самого зеркала. Он смотрит в него и вспоминает: её звали Лилия. Он улыбается и трещина на зеркале идёт дальше.

— Ты не снимешь проклятие — шепчет ему Элиан. — Ты примешь его. Примешь себя. И тогда берег сам придёт к тебе.

Она не боится. Даже когда «Голландец» ныряет в глубину, где нет света. Элиан зажигает голосом свечу и рыбы выстраиваются в ряд, чтобы слушать.

Она не пытается сбежать.

Однажды, в первый год, она попробовала. Спрыгнула в воду. Но море вытолкнуло её обратно, и на руке вспыхнула та же метка: «Прости».

Тогда она поняла: она не жертва. Она — мост. Тот, кто переводит с языка вины на язык любви.

Три года она поёт. Каждому. Даже корабельным крысам, которые когда-то были людьми. Даже призраку девушки в трюме — той самой Лилии, что ждала на скале. Теперь Лилия сидит у ног Элиан и слушает.

Однажды утром, когда «Голландец» всплывает, чтобы увидеть луну, Элиан замечает: компас Корбена (старый, медный, со сломанной стрелкой) дёргается. И показывает не на север.

Показывает на неё.

На её горло, где бьётся песня.

На то, что она уже не хочет уплывать.

Капитан кладёт руку на её плечо. Впервые за сто лет он произносит вслух:

— Ты не вернёшься домой.

— Я уже дома — отвечает Элиан.

И «Летучий Голландец» не проваливается в пучину. Он плывёт. И скала, что плакала столетиями, вдруг рассыпается в песок, из которого прорастают белые цветы.

Она их называет: Лилии.

— Ты изменилась.

— Да. Пришлось.

— А я ещё нет?

— Нет. Ты только в начале. Держишься за перила, потому что боишься споткнуться. Смотришь в пол, хотя уже научилась летать… просто забыла.

— Откуда ты знаешь?

— Я была тобой. Той, кто плакал в подушку и копил обиды в старый чайник, который давно пора выбросить. Ты не поверишь, но тот чайник я до сих пор помню.

— А что стало с обидой?

— Она осталась там, где ты её оставишь. Если не заберёшь с собой. Я пришла сказать: не бери лишнего. Обиды тяжелые. Как мокрое пальто.

— А если я не справлюсь?

— Справишься. Потому что я уже справилась. Видишь меня? Значит, у нас получилось. Иначе бы этого разговора не было.

— А как ты меня нашла?

— По запаху страха. И нежности. Ты такая смешная… такая сильная. Только сама не знаешь. Думаешь, слабая, а гнёшь обстоятельства, как ветку рябины. Не ломаешься, зна-

ешь?

— Что мне запомнить?

— Три вещи.

1. Не жди, что тебя спасут. Спасай.

2. Если больно — это не навсегда. Даже если кажется, что мир сложился пополам.

3. Ты имеешь право быть счастливой. Не заслужить. Не заработать. А просто имеешь. Прямо сейчас.

— А если я забуду?

— Я напомню. Я всегда буду где-то рядом. В твоём смехе, в твоём упрямстве, в той глупой привычке трогать книжные корешки пальцами. Узнаешь?

— Узнаю… А ты меня прощаешь?

— За что?

— За то, что я сейчас так мало умею. За то, что боюсь.

— Милая… ты меня создала. Из страха, из слёз, из падений. Спасибо. Ты лучшее, что у меня было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.